

Елена Янук

Эх, закрутилось!

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Я60

Янук Е.

Я60 Эх, закрутилось! / Е. Янук — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 312 с. — (Он большой пушистый сильный).

ISBN 978-5-521-92946-7

Как выжить аналитику, если причинно-следственные связи держатся на волоске, а обостренные до предела чувства несравнимо важнее логики? Мозги хотят покоя, а сердце требует любви? Хотя, потерять голову от любви, — что может быть естественнее для женщины?

Всего какой-то день назад самой большой проблемой Юли была неудачная шутка.

После нее все закрутилось в непонятном вихре. Она встретила его: рыжего, наглого, влюбленного... который забыл ее на следующее утро.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-92946-7

© Елена Янук, текст, 2023
© Наталья Никонова, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Первая часть
Приснится же
такое!

Пролог

— Юр, у нас будет ребенок! — печально сообщила я, и тут же сложила руки на груди, внимательно наблюдая за его реакцией.

Юрка, услышав столь потрясающую новость, — побледнел, покраснел, опустил глаза, и явно замялся. Я даже немного испугалась. Ничего себе, сон рассказала. Угу, сейчас как удар хватит. Но это для него последний шанс — пан или пропал!

Юрка — видный парень, чуть выше среднего роста, его некогда стройное тело в последнее время заметно обросло жирком. Темные волосы, собранные в неаккуратный хвост, вечные джинсы со светлыми шелковыми рубашками, в общем, все как всегда: фоторепортер, эстет, человек с претензией на утонченность.

Вздохнув, я прислонилась бедром к рабочему столу и, внимательно взирая на него ясными очами. С замиранием сердца ожидая три версии ответа.

Фантастическую: «Какое счастье! Я всю жизнь мечтал об этом!»

Порядочную: «Давай поженимся! Завтра в три часа жду тебя в ЗАГСе, с паспортом!»

Подлую: «Я найду тебе врачей и деньги, чтобы ты мгновенно избавилась от последствий!»

Ну, а получила, трусливую: «У меня сейчас дела, обсудим позже!».

После моей шутки он пропал. Ни на работе, ни дома его не было. О звонках и речи не шло. Испарился!

Вот так пошутила...

Началось все с того, что мне надоело мое непонятное положение. Мне почти двадцать шесть, я несвободна и незанята. Выйти замуж не могла, так как встречалась с Юркой, а он не торопился брать на себя ответственность за будущую ячейку общества.

Три года — коту под хвост!

Три года он ходил ко мне, получал ужин и все радости жизни!

Три года жизни урывками, три года волнений и переживаний!

Три года надежд... А он даже не спросил: «Юль, может тебе помочь нужно? Как ты себя чувствуешь? Чего хочешь?»...

И кто я после этого? Не надо... сама знаю.

Схватившись за голову, я стояла у своего рабочего стола, рассеяно всматривалась в затемненный монитор ноутбука, решая с чего начать.

Сашка, ворвавшийся в кабинет и севший за соседний стол, изображал идиота, — только ли изображал?! — и мешал мне сосредоточиться.

Черт, голова «не варит» совершенно!

К Дашке на свадьбу меня непустили. Видите ли, все в отпуске, я из-за духоты ворчу весь день, как бабка сварливая, хотя мне в июне только двадцать шесть исполнилось.

Или «уже» двадцать шесть?!

Прошло две недели после того знаменательного разговора с Юрой, закончившегося пропажей «суженного».

Я уселась на вертящийся стул за свой рабочий стол, и задумчиво глянула на фотку с Дашкиной свадьбы на слайдах рабочего стола. Потом представила, как там было весело, и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла не просто жалкой, а убитой жизнью.

Последнее время мне стало присуще постоянное самокопание, видимо старость подкралась незаметно.

Итак, надо что-то делать! И я пошла к главному с заявлением за свой счет, на отпуск в июле.

Сергеич, с отвращением крутя мое заявление в двух пальцах, словно дохлую жабу, ворчал и ругался. И тогда я, невинно опустив глаза на листок с будущим отпуском, устало спросила:

— По «собственному» писать?

Виктор Сергеевич мгновенно успокоился, больше не пытаясь брезгливо избавиться от напечатанного мной листка, со вздохом подписал его. А я, коварно пользуясь добрым настроением начальства, заодно затребовала очередной отпуск на август.

Эх, раньше надо было так! К Дашке бы на свадьбу попала! Не то, что я такая прям такая незаменимая, нет, просто безотказная. Юль, сделай то, и вон то, и вот это! Да, и вот это — тоже!

Я впервые что-то потребовала для себя, вот главный и в шоке.

Закидав вещи в багажник Маруси, позвонила маме, устроила Тучку на переднем сиденье и отправилась в деревню, лечить нервы. Ну, а чтобы не сорваться и не позвонить одному нехорошему человеку, оставила телефон дома.

Вот так сурово.

Прикатила под вечер к бабке, как эдакий подарок. Услышав звук подъехавшего автомобиля, она с любопытством выглянула из дома. Как всегда в повязанном на затылке белом платочке и бессмертном темно-синем байковом халате с крупными цветами, надетом на тонкую рубашку. Сколько помню, она всегда носила нечто подобное.

Обнимая меня у облезлой и слегка покосившейся калитки, бабушка спохватилась:

— Отец-мать здоровы?

Я медленно кивнула.

— Братенок?

Я кивнула еще глубже.

— Значит с мужиком своим, что не поделила... — причмокнув губами, сообщила бабушка с оттенком некой радости от своего вывода.

Я отмахнулась:

— Слишком много поделила... Дура!

— Дура, — мирно согласилась бабушка. — Пошли чай пить, я тут как раз свежий заварила...

— Я каркадэ не пью, он мне компот напоминает! — отрезала я, помня бабушкино пристрастие к сему напитку.

Я подхватила из машины свою кошку, мы быстро миновали дворик и вошли в дом.

— Так, то — каркадэ, а это липа! Пирожки с капустой с вечера остались...

— Я их не люблю... — Я скривилась. Переела их как-то у бабушки, а теперь смотреть не могла. Меня аж передернуло от воспоминания.

— Ладно, с картошкой пирожки, с картошкой, я пошутила... — созналась бабуля, накрывая на стол.

— А я все думаю, в кого я такая... шутница... — вздохнула я и плюхнулась на табуретку у стола.

— В меня, вестимо... — лукаво усмехнулась старушка. — А как без этого? Скучно-то жить без шуток!

На чисто вымытой кухне никакой электроники, стол накрыт толстой клеенкой с вытертыми углами, да и остальная мебель... постарше меня будет. Да что там мебель, самодельные подушечки, которые лежали на табуретках и стульях, были связаны из старых вязкозных платьев, которые бабушка нарезала на тонкие разноцветные полоски, превращая в пряжу, чтобы потом вязать из нее нужные в хозяйстве мелочи.

Помнится, мама говорила, что эти поделки старше меня лет на двадцать, так что бабушкину кухню лет через пять можно смело считать музеем антиквариата.

— Ба, тебе одной не скучно? — спросила я, оглядев неизменную из года в год обстановку.

— Нет, сейчас придет Захаровна, в картишки перекинемся. Да и так девчонки забегают...

Я представила себе ее «девчонок» в платочках с клюками и «бадиками», все как одна за семьдесят, наперегонки забегающих к бабуле перекинуться в картишки — и захохотала.

Бабушка беззлобно прыснула вслед:

— Смейся, смейся, тело постареет, а душа-то нет!

Дело было к ночи. Я потеряла слипающиеся глаза, зевнула, прикрыв ладошкой рот, и откинулась на прохладную стенку за спиной. Как бы кофе выпить хотя бы малюсенькую чашечку. Липа, это конечно хорошо и, говорят, даже полезно, но...

На меня последнее время частенько накатывали приступы необъяснимой хандры, и тогда я старалась исчезнуть из общества или как можно меньше общаться с людьми, боясь выплеснуть на них свое раздражение и недовольство. И в этот момент со среды на четверг как раз сон приснился, что я выбрала и купила детские лыжные штанишки. Яркие оранжевые, с стильными кожаными вставками на поясе и карманах. Крутые, в общем. Поинка из отдела рекламы, которая заодно работала в редакции интерактивным сонником, зуб давала, что этот сон сто процентов правдив и снится к рождению сына.

Вот я и сообщила Юрке радостную весть.

Эх... И что человеку только надо?

В дверях появилась сгорбленная непосильными трудами фигура Захаровны, бабушкиной подружки вероятно с ясельного возраста. Жизнь на их примере показала, что к старости надо иметь не кучу внуков и ворчащего деда под боком, а подругу — единомышленницу!

Все-то они вместе: и в колхозе работали, и позже выжидали, когда раз в год платили, да еще и пшеницей; детей и внуков вырастили, мужей схоронили. Сейчас вон друг дружке помогают — нас из города не дожدهмся.

Ба, заметив подружку, вынула из-за старенького «Орска» удивительную бутылку — великана, видимо из прадедушкиных запасов, литров на семь, такую теперь только в музее увидеть можно, и решительно выставила сокровище на стол.

— Наливка. Малиновая! Хотела на «Рождество» придержать, но тут внучка приехала...

Выпустив Тучку за дверь на свидание с местными Барсиками, я присоединилась к дамам уже выставившим на скатерть тарелки с вареной молодой картошечкой и ароматными разносоломи из бабушкиного погреба, поверх которых лежали зонтики укропа и листики вишни...

— А зачем мне мужчина? — кичливо сказала я, когда со старушками как следует «напробовалась» малиновой наливки, а бабульки решили разобраться в причинах моего несостоявшегося брака.

— Что значит зачем? — изумилась Захаровна, скрюченными пальцами придвигая к себе тарелку с помидорами. — А каково бабе без мужика?

Меня повело на детальное раздумье:

— Хорошо! — заявила я с интонацией профессора философии. — Давай разберемся по пунктам. Деньги? Я сама могу себя обеспечить и обеспечиваю всю свою жизнь. Общение? Большинство моих знакомых — мужчины. Меня порой тошнит от мужского общества. Помощь? Я в состоянии нанять людей, которые выполняют все, что мне нужно. Постель? Уж как-нибудь обойдусь! Да и завести себе такого на пару ночек не составит труда!

— Феминистка несчастная, — выдохнула бабушка как выругалась. — Так и останешься в девках до конца дней своих. Как последняя дура.

— Не останется! — заключила Захаровна. — Мужики бегать от кого? — глубокомысленно спросила умудренная годами дама.

Я пожала плечами — кто их разберет, за кем они «бегать»!

— От тех, кто за ними охотится! От! Они сами охотиться должны! — подводя итог, подняла палец Захаровна.

— Я не охотилась... Ну почти. Я просто думала, что он относится ко мне так, как я к нему! Хотела разъяснить затянувшиеся отношения... — лепетала я жалкие оправдания перед беспристрастным судом бабушек.

— Точно, сама себя застрелила, шкуру содрала и на кусочки порезала! — в бабушке погиб великий философ. Но она ведь права. Так все и было. Что и обидно!

— Угу... — я признала свое окончательное поражение.

Моя бабушка вынесла приговор:

— Права была моя бабка, которая говорила... — она на миг замялась, — дай Бог память вспомнить! А-а-а... «До свадьбы ни давать!» НИДАВАТЬ! — и хлопнула кулаком по столу.